

В десятку!

Гердт Зиновий Ефимович

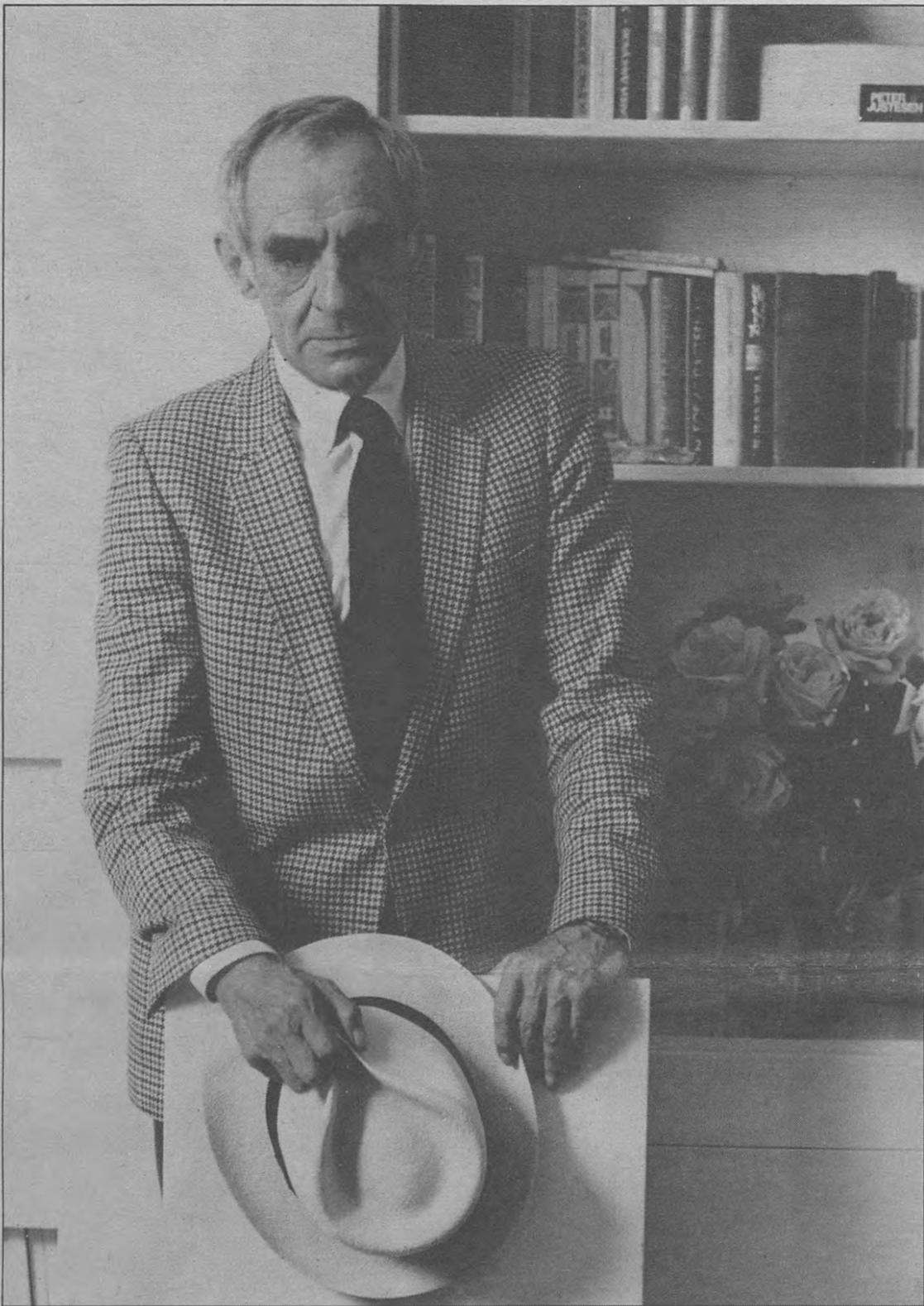

фото Валерия Плотникова

Гердт: Очень много. Жуткое количество лет. Я их помню хорошо, но говорить их количество молодой особе крайне невыгодно.

Корр. (подло): А случайно — не семьдесят девять?

Гердт: Случайно семьдесят девять.

Корр.: И вы не планируете напиться?

Гердт: В семьдесят девять?.. Да нет. Я не стану напиваться при том множестве гостей, которое предвижу. А они нагрянут, и званные, и незванные... Мы к этому готовы.

Корр.: Старика Гердта знают все. Мало кто знает, каким вы были ребенком...

Старик Гердт: Как тебе сказать... Вероятно, рядовым. Но в выпускном аттестате прозорливый директор школы написал: обнаруживается склонность к драматической игре. Это было, когда твои родители даже не были знакомы... Фразу директора память выдала мне лет пять-семь назад. Я задумался и стал глубинно что-то вспоминать, в том числе и этого учителя. Его фамилия была Ган, он учил нас рисовать, я даже помню его задания... Ну, неважно. Важно, что на склоне лет начинаешь вспоминать... Многое, о чем думаю, необязательно знать читающей публике... Нет, я говорю не о мальчишеских эротических мечтаниях. Рядовое все это проходило. Я говорю о людях. Своих учителей я помню в лицо, хотя не всегда помню имя-отчество. Был такой Гансгори, учитель геометрии и алгебры, у него была недоразвитая нога — то есть нога была, но плохая. Он говорил: допустим, это круг. После чего рисовал геометрически чистый, как у Леонардо да Винчи, круг на всю доску... Это меня поражало, и я пытался повторить. Жажда повторять несбыточное — это, наверное, и есть склонность к драматической игре... Прости, а почему ты держишься за щеку?

Корр. (доверительно): Это я голову придерживаю...

Гердт: А-а... (уважительно) Понимаю. Хорошо.

Корр.: Потом, Зиновий Ефимович, вы были юношей. Склонность определилась...

Гердт: Да, определилась при людях, которые живы по сю пору, слава Богу. Первый мой серьезный учитель — Плучек Валентин Николаевич. В театре рабочей молодежи московского электростанции... Я ведь фэззушник. Слесарь.

Корр.: Кого вы играли, будучи слесарем?

Гердт: Придумали мне роль в спектакле «Бедность не порок», чтоб я что-то там... выковыривал, что-то плясал, что-то невозможное. Бартоло в «Женитьбе Фигаро». А главных ролей никогда не давали, нет. Мне жутко нравилась фраза «на склоне лет». На склоне лет я стал востребован, но это очень нечасто совпадает с чувством надобности... собственно для меня.

Корр.: И кого вам предлагают сыграть?

Гердт: Есть такое амплуа — благородный старик.

Корр.: Как вам вспоминается война?

Гердт: Когда меня ранило второй раз и я безуспешно выбывал из войны, мой помощник — помощник командира роты, а командиром, стало быть, был я — сказал мне, что я счастливчик. Меня несли на носилках, просто убитого горем: я оставлял своих, так сказать, подопечных, от меня в чем-то зависящих... Он говорил: счастливчик, больше не будет этого страха глупой смерти в канаве, от глупой пули. Я не мог себе представить, что мне всерьез завидует человек с двумя руками, ногами... Он мне завидовал — я уходил живой, а нога — ну, ерунда какая. Арон Копштейн написал такие стихи... Ну не хнычь, ну не плачь, точно ма-

Корр.: И это можно...

Гердт: Да... У меня имела даже такая концепция. Если человек млеет от того, что кому-то что-то удается, и теряет ориентацию в пространстве, как ты сейчас, — значит, в человеке есть талант. А если при виде таланта ты испытываешь только зависть, что в тебе этого нет — стало быть, ты бездарен и уйди из этой области жизни человеческой. Но они почему-то не могут уйти, они ждут званий и полагают, что звания и есть критерий художественной зрелости.

Корр.: Кстате, насчет званий...

Гердт: Есть, все звания, которые возможны.

Корр.: Красота.

Гердт: Думаешь, красота? Не завидуй. Конечно, когда я выступал, я просил говорить только имя и фамилию... Шура Ширвиндт вел как-то благотворительного толка концерт. К нему раз пять подходил человек и просил: объявите так: выступает лауреат, допустим, второго международного конкурса чтецов-исполнителей харьковского уезда, ля-ля-ля, такой-то Тютюкин. Шура: хорошо. Через пять минут Тютюкин: знаете, лучше, не говорить — лауреат второго, лучше — лауреат международного конкурса, ля-ля-ля, такой-то Тютюкин. Потом — фиг с ним, с конкурсом, давайте по-простому — лауреат Тютюкин. Ширвиндт в конце концерта объявил так: активный участник последней переписи населения — Тютюкин!.. *Корреспондент аплодирует.*

Гердт: Кто дает звания? Чиновники. Потому я не дорожу ни чиновниками, ни званиями.

Корр.: Потом, после Образцова...

Гердт: Возник Фокин. В кино первым был для меня Тодоровский, в театре — Фокин. Он вывел меня из внедренности в амплуа комиков. Фокин сделал все, что можно сделать хорошего для человека... перед склоном лет.

Корр.: Вы политизированный человек?

Гердт: В полной мере. В моих освободителях я первым числом Горбачева. Помню, когда он стал генсеком, на третий-четвертый день среди какой-то уличной публики он спрашивал: вам не надоело слышать одно и видеть другое? Я подумал: Боже мой, его посадят. Это я не могу забыть. Что касается нашего президента, он меня восхитил, когда вышел из партии. Ельцин был высокий, сильный и достойный мужик. Я залюбил его на всю жизнь. Казалось бы... Он доверяет жутким советчикам. Умение выбрать советчиков — это талант, которым президент не обладает. Об умных людях он отзывался неважно, а заносчивого, антикультурного Грачева назвал лучшим министром. Наш президент разочаровал меня, хотя, как большинство населения, я не вижу никого другого на его месте...

Корр.: Знающие люди рекомендовали спросить, как вы озвучивали научно-популярные фильмы... Науч-попы.

Гердт: Я всегда сам был если не автором сценария, то во всяком случае текста. Я прекратил этим заниматься, когда позвонил один режиссер из провинции и сказал: приезжайте, ваша тема, в вашем стиле... Спрашиваю: о чем фильм? Понимаете, это одночастевка... Спрашиваю — о чем ваша одночастевка, не помите... И он сказал. Про болты с левой резьбой. Вот я и завязал, доболтался.

Корр.: А «Фанфан-Тюльпан»?

Гердт: Да... Я озвучивал. Говорят, что он недавно озвучен заново. Свою версию я видел лет пять назад и искренне изумился тому, какой я тогда был... не талантливый, но — подвижный. Там были очень свежие интонации... Надо было сильно меня ненавидеть, чтобы переозвучить... Кто, кроме Жириновского?.. Но ведь он не имеет к этому делу отношения.

Корр.: У вас какие-то счеты с Жириновским?

Гердт: Да нет, просто я о нем, где могу, говорю очень дурно. Я его презираю... Брежнев. Это недочеловек. Гнусная мимикрия и актерская самодельность. Это все проходило на первом курсе любого театрального училища.

Корр.: У вас всегда были отношения с поэзией. А сами вы стихов не писали?

Гердт: Нет, разве что на день рождения чей-нибудь... А любовных, серьезных — нет. Скажи, твои кавалеры пытались завлечь тебя стихами?

Корр.: В юности. И так действовало!

Гердт: Ну, ты молодец. Кстате, я вспомнил замечательный анекдот. Выключи, пожалуйста... (Диктофон выключается. Пауза. Диктофон включается. Остатки смеха.)

Гердт (умиротворенно): Если бы ты была устремленная прозаическая и наблюдательное свое око — я думаю, из этого, может, что-то получится. Так что — прими мой дар, дорогая.

Корр. (деловито): Думаю, что-то получится. У меня всегда что-то получалось.

Гердт: Не могу сказать этого о себе...

Кофепитие. Решительная супруга Гердта решает, что корреспондент одет слишком легко, и переодевает в джинсы и куртку вьюка, которого зовут почти по-шекспировски — Орик. Корреспондента отвозят на авто к автобусу. — Зиновий Ефимович, я еще приеду визуировать интервью, — говорит корреспондент под занавесом и густо краснеет.

— Как же это назвать? — размышляет корреспондент. — Пьеса для пассажира. Склон лет. Или большими буквами — ГЕРДТ?.. Или как-нибудь фривольно... — корреспондент посмотрела под ноги. — Брюки от Гердта...

Город посерел и грянули будни. Корреспондент села за печатную машинку и пригорюнилась.

Брюки от Гердта

...Грянули будни. Ваш корреспондент села за печатную машинку и пригорюнилась

«Зиновия Гердта знают все». Корреспондент вздохнула: где-то это уже было.

«Зиновия Гердта я застала в его подмосковном доме, в окружении друзей и домочадцев...» Корреспондент поморщилась.

— Это же неправда, — сказала себе корреспондент, — нехорошо.

Корреспондент пригорюнилась еще больше, однако присосанилась и застучала не глядя... Корреспондент еженедельника «Совеседник» замерзала в нескольких километрах от Москвы. «Пройти десять метров в обратном направлении и ждать красную «девятку» с Гердтом за рулем», — напомнила себе корреспондент, отсчитала десять метров, заглянула за поворот. Проезжающая красная «девятка», набрав из лужи воды, плюнула ей под ноги. Дама побежала обратно.

— Что мы знаем о Гердте? — спросила себя корреспондент. — Что он не любит ездить в дождь. Что когда-то у него, чуть ли не единственного в Москве, была машина с правым рулем, повергавшая милиционеров в тихий шок. Что он был дружен с Всеволодом Багрицким, Твардовским, Окуджавой, Чичибабиным, а Давид Самойлов посвятил ему как минимум два стихотворения, одно серьезное, начинающееся словами «Артист совсем не то же, что актер», другое — написанное на принесение Гердтом вина «Старый замок»: «Не люблю я «Старый замок», кисловатое вино, а люблю я старых Зямок, их походку и лицо».

Прошло полчаса.

— Интервью — мертвый жанр, — поняла корреспондент, — интервьюер корыстен и равнодушен. Известен случай, когда журналистка из «Комсомолки» сказала Райкину: «Простите, Константин... как вас по батюшке?» «Моего папу звали Аркадий Райкин...» — холодея,

сказал Константин. И эти ремарки типа «смеется», «улыбается» — они напоминают наблюдения доктора Борментала над Шариковым. Ни одна живая реакция не доходит в полной мере до бумаги. Надо что-то новенькое изобрести. Подать интервью как пьесу, например... Это можно сделать... блистательно, — замахнулась корреспондент, затем посмотрела на часы и слабо присвистнула. — Ты же профессионал, — строго напомнила себе корреспондент и добралась до служебного телефона в продовольственном магазине.

— Зиновий Ефимович, что случилось?

— Что случилось? — рявкнул Зиновий Ефимович, и позвончик корреспондента похолодел. — Я вас ждал полчаса, так вас и так!

— Что? Это я, — корреспондент глотнула воздуха, — это я ждала вас полчаса и в родного как собака!

— Ладно! Сейчас я за вами приеду!

— Нет! — крикнула корреспондент, но Зиновий Ефимович бросил трубку.

Из-за поворота, красноречиво грозя кулаком и ругаясь, вышел постаревший Паниковский.

— Зиновий Ефимович, простите!

— Так тебя и так, — ответил Зиновий Ефимович, — садись в машину. Тысячу людей я ждал за этим поворотом. Ты первая такая дурочка.

Корреспондент (завидую и обижаясь): Ну, вам-то хоть тепло было.

Гердт: Сейчас согреться. Приедешь — рюмку водки и в койку...

Корреспондент дрожит.

Гердт (сердито): Как звать?

Корр. (стыдась): Наталья... Зиновий Ефимович, простите!

Гердт: Бог простит.

Машина едет витеватю.

Корр. (с опаской): Шлагбаум...

Гердт: «Иль мне в лоб шлагбаум влепит престарелый инвалид»...

Корр. (робко): Непроворный инвалид...

Гердт (восторгаясь): Непроворный — да, это по-пушкински! А престарелый — по-советски, по-собесовски.

Знание Пушкина как-то примиряет Гердта с корреспондентом. Машина вырывается к дому. Расположение комнат корреспондент так себе и не уяснила, людей не сосчитала из-за их частой перемещаемости. Помнит ланч, которым руководила супруга Зиновия Ефимовича. Обсуждается достоинство всякого гриба и перчика. Кося правым глазом, корреспондент следит за рукой Гердта, подкладывающей салат, и смутно думает о том, как бы Феллини снял «Интервью» на русском материале.

Герд (грозно): Ешь!

Корр. (виновато): Ем, ем, ем.

Гердт: Водка.

Корр.: Я пьянею с двух рюмок... Хотите посмотреть, как я пью не закусывая?

Показывает.

Гердт (бодро): Ну, пойдём работать?

Корр.: Ведите, Зиновий Ефимович.

Гердт (приведя): Вот. Это спальня. Это кровать, я здесь сплю.

Корр.: Красота. Большая кровать. Фривольности на этом заканчиваются. Включается диктофон.

Гердт (абстрактно): Ох, Господи.

Корр.: И не говорите. А сколько вы должны выпить, чтобы запянуть?

Гердт: Не знаю. О том, что я был хмелен, я узнаю только утром, когда я ничего не помню, а мне что-то рассказывают. Но так бывает все реже, и это меня очень тревожит...

Корр.: А ведь у вас скоро день рождения. И сколько вам будет?

ленький, ты не ранен, ты просто убит, дай сниму поскорей с тебя валенки — мне еще воевать предстоит... Вспоминаются самые разные лица. Лучший мой военный человек Иван Абрамович Агарков, проректор Харьковского университета, в сорок третьем году говорил: ты ори — за Родину, а за Сталина — не ори... Не орать нельзя, надо ведь идти перед глазами пулемета. Я был всего в четырех атаках и не помню, что именно я орал, но что не орал «за Сталина» — это точно...

Корр.: После войны... Образцов (жестами).

Гердт: Да, театр Образцова. Я в принципе всю жизнь прослужил за спиной этого человека... Он был очень противоречив, было намешано много замечательного, с необыкновенно детским — с минусовым знаком. Негативное детство. С ревностью и всем прочим. Театр уже при нем держался на старинных завоеваниях. Главные действующие лица — такие, как Женя Сперанский, драматург и лучший кукольник в России, — к тому времени поуходили. Если говорить об уникальности режиссерской, Образцов придумал свою эстрадную программу, номеров двадцать, а высшего сорта — штуки три-четыре, что тоже велико для этого жанра. У нас были отношения сложные, а разошлись мы просто скандально. Сейчас театр взял прекрасный человек, Резо Габриадзе, уникальный художник и драматург мирового значения. Неодаренные люди, которые держались при Образцове на подхалимаже, остались в театре: увы, Образцов весьма любил подхалимов и льстецов, но им, конечно, нравилось только ездить по заграничам и ничего из себя не представлять. Габриадзе не знает, как быть — они его просто съедают.

Наталья АЛИГБЕРИ.